

ББК. 63.4

П.К. Дашковский, И.А. Мейкшан

**Изучение «правлящего класса» в кочевых обществах
Центральной Азии поздней древности в отечественной
историографии 1920-х — середины 1960-х гг.***

P.K. Dashkovskiy, I.A. Meykshan

**The Research of the Ruling Class in the Central Asia Nomad's
Societies at the Late Antiquity in the Native Historiography
of the 1920s — Middle 1960s**

Рассматриваются вопросы изучения кочевой элиты в отечественной историографии в период становления советской исторической науки и номунологии. Анализируются формирование и апробация научно-исследовательских подходов в изучении социально-политической организации, различные интерпретации исследователями властных отношений у кочевников Центральной Азии эпохи поздней древности, а также сформированы основные теоретические основания для дальнейшего изучения указанной проблематики.

Ключевые слова: историография, социальная организация, кочевая элита, Центральная Азия, погребальные памятники, поздняя древность.

The problems of the research devoted to the nomad's elite in the native historiography during the formation of the Soviet historical science and nomadology are considered in the article. The study analyzes formation and approbation of the scientific approaches to the research of the social and political organization and different researcher's interpretations of the authoritative relations in the society of the Central Asia nomads at the late antiquity period. The basic theoretical foundation for further research of the mentioned above problem have been formulated.

Key words: historiography, social organization, nomad's elite, Central Asia, funeral monuments, late antiquity.

Социально-политическая история кочевых народов Центральной Азии является важным направлением в отечественной исторической науке. Уже в XVIII–XIX вв. при содействии Академии наук, Русского географического общества и Археологической комиссии организуются различные экспедиции в регионы Центральной Азии [1, с. 15–16]. Результаты экспедиционных работ из-за объективных причин были незначительны, так как методологические и методические аспекты изучения памятников находились на уровне становления. Исследователями данного периода в целом не предпринимались конкретные попытки проведения палеосоциологических реконструкций, поскольку их интерес в большей степени затрагивали вопросы этнокультурного характера [2, с. 135]. Однако при изучении масштабных погребальных памятников в некоторых случаях проводилась их «привязка» по отношению к конкретной социальной группе. Так, уже В. В. Радлов, опираясь на результаты изучения Берельского кургана скифского времени, связывал его с «богатой» частью общества кочевников. При этом наличие сопроводительных захоронений коней рассматривалось им как важный маркер социального статуса умершего [3, с. 463]. Д. А. Клеменц в отношении памятников Минусинской котловины также связывал

показатели масштабности объекта и высокого социального статуса погребенного [4, с. 31].

В конце XIX — начале XX в. начинается постепенное исследование памятников хунну (сюнну). Ю. Д. Талько-Грынцевич одним из первых проводил работы по изучению археологических памятников хунну в Забайкалье. Им были получены данные по изучению погребального обряда сюнну, а также определены характерные особенности погребальных сооружений. Анализируя имеющийся материал, автор разделил их на четыре типа [4, с. 119–121]. Однако при этом исследователь воздержался от проведения каких-либо социальных интерпретаций, а построенная им типология в своей основе имела культурно-хронологический, а не социально-экономический фактор.

Необходимо отметить, что методологической основой отечественных исторических и палеосоциологических исследований с конца XIX в. и до конца 1920-х гг. выступал эволюционизм. В рамках данной парадигмы эволюция представляется как особый тип последовательности необратимых изменений культурных феноменов и социальных систем от состояния относительно неопределенной однородности к более согласованной гетерогенности. При этом культура рассматривается как совокупность процессов адап-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Формирование и функционирование элиты в социальной структуре кочевников Саяно-Алтая в эпоху поздней Древности и раннего Средневековья» (проект № 13-31-01204).

тации общества к природной среде. В археологии эволюционизм являлся важным принципом в изучении культурно-генетических процессов, этнической атрибутации, особенностей погребальной обрядности, палеосоциальных исследований, хотя последние в данный период практически не предпринимались [2, с. 11–12].

Первые целостные концепции социального развития кочевников Центральной Азии поздней древности появятся в советский период развития исторической науки. При этом интерес к изучению именно системы властных отношений и высшего слоя общественной иерархии обусловлен несколькими факторами. Во-первых, после бурных политических и военных событий в России с середины 1920-х гг. возобновляются экспедиционные работы по изучению памятников кочевников Саяно-Алтая, Забайкалья, Монголии и других территорий. В ходе реализации археологических исследований происходит накопление фактического материала, необходимого для проведения социально-экономических реконструкций и изучения кочевой элиты. Так, в середине 1920-х гг. были проведены раскопки элитных хуннских памятников в горах Ноин-Ула в Монголии [5, с. 8–10]. Результаты работ дали богатый материал для характеристики культуры и общества хунну Центральной Азии. Тем не менее автор раскопок П. К. Козлов воздержался от проведения каких-либо социально-политических реконструкций, уделяя большее внимание анализу археологических находок. Известный ученый того периода С. А. Теплоухов, анализируя результаты раскопок П. К. Козлова, ограничился общими замечаниями о принадлежности исследованных памятников знатым лицам, на что указывают грандиозные размеры погребального сооружения [2, с. 173].

Несмотря на отсутствие целостной социальной концепции в отношении кочевников центральноазиатского региона, тем не менее, с процессом постепенного увеличения археологического материала происходит формирование фундаментального принципа социальной археологии о прямой зависимости масштабы погребального комплекса и общественно-го статуса погребенного лица.

Второй фактор, повлиявший на интерес советских историков к изучению элиты у кочевых народов, обусловлен сменой методологических ориентиров и усилением идеологических установок в науке. Если в первое десятилетие советской власти в исторической науке господствовали научные школы, сложившиеся в предшествующий период, то к концу 1920-х гг. в исторических и археологических кочевниковедческих исследованиях наметились определенные изменения. Они были связаны со стремлением части ученых, как правило, представляющих уже советское поколение, более активно внедрять в науку марксистские принципы. Так, еще в середине 1920-х гг. неко-

торые ученые активно призывали к использованию принципов историзма в археологических изысканиях. Вторая половина 1920-х и начало 1930-х гг. прошли в бурных дискуссиях о дальнейших путях развития археологии, необходимости перехода на позиции исторического материализма, методах систематизации археологического материала и других проблемах [1, с. 24; 6; 7]. Кроме того, для кочевниковедческих исследований особенно важное значение имели дискуссии о предмете и методе археологии, теоретических основах социологии и ее соотношении с историческим материализмом и историей, общественно-экономических формациях и азиатском способе производства. В результате этих дискуссий в исторических изысканиях приоритетным становился марксистский социологический подход, трактовки которого были весьма различны. Так, необходимость изучения общественно-экономических формаций на основе археологических материалов отстаивалась сторонниками «истории материальной культуры» (В. И. Равдоникас, С. В. Киселев, А. Я. Брюсов) в противовес, как они определяли, последователям «археологического вещеведения». Разделение двух направлений археологии увеличивалось потоком критики, обрушившейся на «буржуазное вещеведение» и «ползучий эмпиризм», якобы имевших место в дореволюционных и ряде послереволюционных исследований (подразумевались классические для археологии методы, прежде всего типологический). Положительные моменты в этой критике «перечеркивались» излишне нигилистическим отношением ко всему предшествующему отечественному опыту [6, с. 128–136; 7, с. 20]. Определение целей археологии, таких как восстановление по памятникам материальной культуры общественно-экономических формаций, сделало социальные реконструкции, а также разделы по экономической и социально-политической истории неотъемлемой частью археологических работ [2, с. 13–14].

В 1930–1935 гг. происходит кардинальное изменение методологических принципов изучения исторического процесса в целом и социально-политической истории кочевников в частности. Официальным завершением данных преобразований было окончательное принятие формационного подхода и марксистско-ленинской схемы развития истории. В связи с этим социально-экономическим реконструкциям в области археологии стало уделяться гораздо больше внимания. Обозначившиеся изменения ставили перед историками проблему «вписать» общественную систему кочевников в пятиступенчатую формационную концепцию.

В этой связи вполне закономерно, что в контексте утверждения формационной теории в 1933–1935 гг. появилась целая серия публикаций по истории и археологии кочевников, посвященных апробации марксистской трактовки рабовладельческого и феодального обществ на конкретно-исторических материалах

и определению формационного характера различных кочевых обществ в соответствии с пятичленной схемой (см. обзор [2]). Официальным завершением трансформации методологии изучения истории стало утверждение «Краткого курса ВКП (б)», в котором однозначно утверждаются принципы формационного подхода и диалектического материализма в интерпретации социально-политических явлений [8, с. 104].

Установление формационного подхода и марксистско-ленинские идеологические установки потенциально создавали условия для изучения властных отношений и выделения элиты кочевников. Утверждение двух общественных полюсов — «эксплуататоров» и «эксплуатируемых» — аналогично делению социально-географического пространства на элиту и массу. Примечательно, что диалектический принцип социальных изменений, утверждаемый в «Кратком курсе», соответствует принципу «циркуляции элит» В. Парето [9, с. 32]. С. П. Толстов, изучая политическую организацию скифов, выделял два социальных блока — «царей», «номархов» и противостоящую им массу простых кочевников [2, с. 19]. Оценивая памятники «первого этапа железной эпохи на Алтае», М. П. Грязнов писал, что наряду со сравнительно бедными погребениями простых кочевников имеются богатые могилы представителей высшего класса, «весьма богатых и облеченных известной долей власти» [10, с. 8]. По его мнению, социальные институты древних кочевников сохраняли родовой характер. При этом он не отрицал возможности развития социальной дифференциации, что отражалось в скифских погребальных комплексах. В советско-французской публикации материалов Первого Пазырыкского кургана ученый определил памятники такого типа как «исключительно богатые, с огромными могильными сооружениями, погребения вождей племен или родоплеменных союзов», которые он отличал от «сравнительно бедных погребений рядовых членов рода» и «богатых погребений родовых старейшин» [11; 12, с. 7; 13, с. 17–18]. Указанные утверждения, основанные на «марксистско-ленинских» принципах социально-экономического развития, тем не менее не противоречат классическим установкам элитологии о противостоянии элиты и массы [14, с. 40–41], которые послужат методологией для современных палеосоциальных исследований в номунологии.

Официальное утверждение марксистской концепции истории побудило многих исследователей творчески подойти к разработке теорий общественного развития конкретных народов, в том числе и кочевых, и заострило интерес историков, этнографов и археологов к социальной проблематике. Наиболее показательны в этом отношении разработки М. П. Грязнова. В 1939 г. им подготовлен раздел «Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана» для коллективного труда «История СССР с древнейших времен до об-

разования Древнерусского государства» [15]. В этой работе М. П. Грязнов обосновывает понятие «ранние кочевники». Кроме того, учитывая особенности погребального обряда кочевников Алтая скифского времени, исследователь выделил три группы курганов, соответствующих социальному статусу погребенных: 1) бедные; 2) более богатые (средние); 3) огромные курумы [15, с. 407–411]. Позднее он отметил, что в указанную эпоху у кочевников наблюдается не только развитая социальная дифференциация, но и сложная политическая структура общества. Это выразилось, в частности, в господстве кочевников-скотоводов над оседлыми скотоводческо-земледельческими группами населения [16; 17, с. 14–15].

В послевоенный период, в 1940-е гг., возобновляются работы историков и археологов как в области экспедиционных исследований в различных регионах страны, так и в направлении разработки теоретических вопросов. Несмотря на то, что генеральным направлением данных дискуссий было продолжение проработки формационной схемы исторического процесса, в исследованиях данного периода происходят попытки «творческого», не догматизированного восприятия марксистских принципов. Столкновение различных исследовательских позиций происходит в споре об основе производственных отношений кочевников, результатом которого является определенное ослабление идеологических позиций [17, с. 80; 18, с. 73].

Со второй половины 1940-х гг. организуются масштабные археологические работы в Северном Причерноморье, Южном Приуралье, Казахстане, Алтае, Туве, Монголии и других регионах страны. В результате получения многочисленного фактического материала возможности применения в палеосоциологических реконструкциях данных об особенностях погребального обряда, введения в научный оборот данных по рядовым погребениям кочевников исследователи могут решить вопросы социальной организации кочевников на качественно новом исследовательском уровне. Остановить новые дискуссии и тенденции в отечественной номунологии только лишь идеологическими установками не удастся. Если с конца 1920-х — середины 1940-х гг. в характеристике социальной организации ученые руководствовались в основном теоретическими работами, направленными на применение формационной теории к конкретным историческим обществам, то в послевоенное время определяющим было внимание к археологическим источникам и возможности их интерпретации в ходе палеосоциологического анализа. Данная тенденция стала одним из главных факторов последующего развития отечественной номунологии конца 1940-х — начала 2000-х гг. [2, с. 27].

Реализация комплексного подхода в изучении социально-политической организации кочевников, основанного на всестороннем анализе погребальных

памятников, включая исследования планиграфии могильников, становится важной характерной чертой проводимых реконструкций. М. П. Грязнов при анализе материалов Первого Пазырыкского кургана одним из первых провел апробацию нового методического подхода. Исследователь интерпретировал данный памятник как погребение племенного вождя, о чем свидетельствовали трудозатраты, необходимые для сооружения погребальной конструкции, а также особенности планиграфии могильника. Сочетание фамильных кладбищ (цепочек больших курганов) и общественной власти погребенных в этих некрополях свидетельствовало, по мнению ученого, в пользу того, что «как богатство, так и высшие общественные должности в роду и племени передавались по наследству» [19, с. 68–69]. Немаловажен, по наблюдениям археолога, был и тот факт, что кони и сопровождавший их инвентарь являлись подношениями покойному от подчиненных ему подразделений. По мнению М. П. Грязнова [19, с. 69–70], «это были дары племенному вождю от десяти родовладык». Развитие данного положения натолкнуло ученого на возможность реконструировать состав «пазырыкского» объединения по числу родовладык, подносивших дары вождям. По подсчетам исследователя, получалось, что племя, вождь которого был погребен в Первом Пазырыкском кургане, состояло из 10 родов, в Берели — из 16, в Шибе — из 14, в Третьем и Четвертом курганах Пазырыка — из 14, во Втором — из 7.

Привлечение археологических материалов для изучения властных институтов характерно и для других ученых данного периода. Так, С. В. Киселев [20, с. 327, 365–366], основываясь главным образом на визуальном анализе курганов, предложил отнести их к трем группам, которые затем соотнес с отдельными слоями кочевого социума: 1) малые курганы рядовых кочевников; 2) средние — погребения племенной аристократии; 3) огромные «курумы» — курганы вождей. Трехуровневая общественная модель кочевников была достаточно типичной для данного периода. С. И. Руденко, как и другие ученые, реконструировал социальную структуру исходя из размеров надмогильных сооружений. Археолог разделял курганы скифского времени на три основные группы: 1) погребения рядовых кочевников; 2) курганы знати; 3) погребения вождей племен [21, с. 54; 22, с. 257]. В вопросах функционирования родоплеменной системы С. И. Руденко предполагал наличие старейшин, которые находились во главе племени, а в военное время их функции переходили к вождям и военачальникам. Вождей и старейшин избирали через народное собрание, при этом межплеменные отношения регулировал совет старейшин [21, с. 56].

В представленный исторический период большое влияние на изучение этнокультурной социальной истории кочевых народов скифо-сакского пе-

риода оказали крупные академические экспедиции (Илийская, Киргизская, Семиреченская), в результате которых был получен массовый фактический материал, необходимый для проведения социально-политических реконструкций и изучения властных отношений. Наиболее результативными оказались палеосоциальные реконструкции К. А. Акишева. Исходя из размеров и конструктивных особенностей погребальных памятников сакских племен Казахстана исследователь предложил разделить их на три группы: 1) погребения вождей племен; 2) погребения племенной знати и воинов; 3) курганы рядовых кочевников, находящиеся в непосредственной близости от памятников первой и второй групп. Отдельно автор рассматривал памятники рядового населения, условно объединяя их в четвертую социальную группу [23, с. 204–209; 24, с. 61–65; 25, с. 25–75, 85–88, 105]. К. А. Акишев, по существу, первым создал на основе археологических источников социальную типологию кочевнических погребений, включавшую четыре ступени. Главным ее достоинством была попытка показать отдельные слои в составе привилегированного населения, что не делалось в то время даже на материалах наиболее изученной причерноморской Скифии.

В рассматриваемый период особенности властных отношений изучались не только по кочевым обществам скифо-сакского периода, но и на примере хуннского социума. Показательными в этом отношении являются труды А. Н. Бернштама, в которых автор создавал сначала социологическую модель развития хунну в контексте марксистского подхода 1930–1940-х гг., а затем пытался интерпретировать в духе этой концепции конкретные археологические материалы. В монографии «Очерк истории гуннов» А. Н. Бернштам [26, с. 21–56], опираясь на известные к тому времени археологические памятники и сведения китайских источников, в русле ортодоксального марксизма (в сталинской трактовке) дал характеристику хунну как племенного союза и общества патриархально-родового строя. При этом исследователь отметил процессы имущественного расслоения кочевников с неизбежными элементами классовой борьбы, наличие рабства, аристократии, системы управления, формирование дружины и т. д. Так, ученый полагал, что в «гуннском» обществе были широкие возможности использования рабов, в первую очередь военнопленных китайцев. Рабство, по его мнению, способствовало противопоставлению шаньюйского рода массе гуннских племен, так как, развивая у себя в хозяйстве рабский труд и превратив свой род в дружину, окружавшую шаньюя, «гуннская» знать укрепляла свое господство. На такой основе, как считал исследователь, возникло «классовое расслоение» [26, с. 39–40, 53–54]. При оценке социальных процессов А. Н. Бернштам особое внимание обратил на характер взаимоотношений шаньюя и его окружения с ки-

тайским двором. Наличие престижных китайских изделий в элитных захоронениях свидетельствует об углубленном процессе социальной дифференциации [26, с. 40].

В 50–60-х гг. XX в. происходит дальнейшее изучение хуннуской проблематики. Археологические исследования на Суджинском, Дырестуйском могильниках, Ильмовой Пади, в горах Ноин-Ула позволили перевести теоретические разработки в области социально-экономических отношений кочевников, представленных ранее А. Н. Бернштамом, в более фактическую плоскость исследований, основанных на анализе археологического материала [27]. А. Н. Бернштам дал характеристику хунну как племенного союза и общества патриархально-родового строя. При этом исследователь отметил наличие в обществе кочевников аристократии, системы управления и процесс формирования дружины [26, с. 39–40].

На рубеже 50–60-х гг. XX в. к хуннской проблематике обращается один из крупнейших отечественных кочевниковедов С. И. Руденко, итогом изысканий которого стала фундаментальная книга «Культура хуннов и Ноинулинские курганы» [5]. В своей работе ученый подробно проанализировал результаты исследования экспедицией С. А. Кондратьева элитных курганов на некрополе Ноин-Ула. Само устройство общества хунну интерпретировалось С. И. Руденко в рамках достаточно традиционного подхода как военно-демократическое. Исследователь также указал на наличие частной собственности, различные уровни социальной стратификации и выделение «привилегированной верхушки», т. е. элиты, обладающей материальными ресурсами, влиянием и властью в обществе [5, с. 70–71]. Сложность социально-политической организации хунну не совсем вписывалась в традиционный подход определения подобных обществ как военно-демократических или рабовладельческих. В связи с этим автор отметил позицию одного из зарубежных исследователей, характеризующую социально-политический строй хунну как раннеклассовую державу с начальным этапом формирования феодализма [5, с. 71].

Одновременно с работами С. И. Руденко к анализу общественной системы и организации власти хунну обращается Л. Н. Гумилев [27]. С его точки зрения, племенные вожди хуннских племен до переворота Моде и образования «державы» Хунну не имели реальной власти, выступая как равные среди родовых старейшин [27, с. 72]. Именно личные качества шаньюев, при отсутствии аппарата власти, рассматривались автором как решающий фактор их возвышения. В результате трансформации племенного союза в политическую «державу» происходит усиление единоличной власти правителя при уменьшении роли племенного совета.

Л. Н. Гумилев характеризует политический строй хунну при Модэ как геронтократию, власть старей-

шин. Степень консолидации родовой знати как достаточно однородной группы исследователь оценивает очень высоко, что позволяет «определить хуннскую державу как родовую империю» [27, с. 82–83]. В отличие от типичных оценок советской историографии, социально-политическая организация хуннского общества понималась исследователем как более сложный механизм, сочетавший в себе элементы родовой организации и достаточно сложной многоуровневой системы управления. В целом необходимо отметить, что Л. Н. Гумилев характеризовал институты власти хунну достаточно противоречиво, не предоставляя общей картины функционирования политической системы [2, с. 177].

Исследования памятников других кочевых обществ, сосуществовавших с хунну или находившихся в подчинении им, осуществлялись на территории Казахстана, Средней Азии, Тувы. Так, в середине XX в. С. П. Толстов, подводя первые итоги работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, на основе полученных материалов реконструировал систему социально-политической организации усуней. В составе государства кочевников исследователь выявил два слоя. Первый составляли свободные номады, которые на основе археологического материала дифференцировались ученым на бедных и богатых. Второй слой — это рабы, в погребениях которых не помещали предметы вооружения [28, с. 262–264]. Однако при этом, вследствие малочисленности и выборочности исследования археологических объектов, автор не предпринимает развернутых палеосоциологических и политических реконструкций, не отождествляя богатые группы населения государства усуней с какой-либо конкретной общественной дефиницией.

В качестве итогов развития изучения социально-политических систем номадов Саяно-Алтая, Казахстана, Забайкалья, Монголии следует признать качественное развитие методологического уровня исследований в сравнении с предшествующим периодом. Эталонные палеосоциологические разработки М. П. Грязнова, С. И. Руденко, К. А. Акишева и других исследователей сформировали научный подход, основанный на комплексном изучении социальных аспектов истории кочевников, апробация которого в дальнейшем проводилась на материалах памятников всей Центральной Азии. Общее число социальных исследований оставалось незначительным, а количество привлекаемых археологических материалов для проведения реконструкций было ограничено элитными памятниками (Пазырык, Чилекта, Ноинулинские курганы), в то время как исследования рядовых захоронений были малочисленны.

В методическом отношении социальные реконструкции строились на визуальной оценке погребальных конструкций и всестороннем анализе сопроводи-

тельного инвентаря, а также на измерении основных «социальных» параметров «царских» погребальных сооружений. Возможности применения письменных источников в области изучения социальной и политической истории кочевников Центральной Азии хунно-сяньбийского времени показали реконструкции С. И. Руденко и Л. Н. Гумилева.

В обозначенный период на археологическом материале предпринимаются попытки выделения в общественной структуре кочевников конкретных социальных групп, которые определяются исследователями как «знать», «вожди», «аристократия» [20, с. 365–366;

21, с. 56; 25, с. 25–75, 85–88, 105; 26, с. 39–40]. Однако при этом не происходит конкретной проработки данных дефиниций, изучения властных отношений и системы политической организации кочевников. Несколько неоправданно в этом отношении выступает разделение памятников аристократии и племенных вождей, так как различия данных категорий относительно формальные [29]. В целом элитные группы кочевого общества («князья», вожди, знать, аристократия) рассматривались исследователями лишь как эксплуататорский класс, что, в свою очередь, не ставило вопросов о необходимости уточнения понятий.

Библиографический список

1. Марсадалов Л. С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII—IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX в.). — СПб., 1996.
2. Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). — Барнаул, 2009.
3. Радлов В. В. Из Сибири : страницы дневника. — М., 1999.
4. Талько-Грынецвич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — СПб., 1999.
5. Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. — М. ; Л., 1962.
6. Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х гг.). — Киев, 1982.
7. Клейн Л. С. Феномен советской археологии. — СПб., 1993.
8. Краткий курс истории ВКП (б). — М., 1997.
9. Ашин Г. К., Понеделков А. В., Игнатов Е. Г., Старостин А. М. Основы политической элитологии. — М., 1999.
10. Грязнов П. М. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. — Новосибирск, 1930. — Вып. 2.
11. Грязнов П. М. Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. — 1928. — № 2–4.
12. Грязнов П. М. Пазырыкский курган. — М. ; Л., 1937.
13. Грязнов П. М. Раскопки на Алтае // Сообщение Государственного Эрмитажа. — Л., 1940.
14. Ашин Г. К. О понятии «элиты» и не только // Власть. — 2005. — № 11.
15. Грязнов П. М. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования первого русского государства (макет издания АН СССР). — М. ; Л., 1939.
16. Грязнов П. М. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. — Т. XVIII. — М. ; Л., 1947.
17. Толыбеков С. Е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // Вопросы истории. — 1955. — № 1.
18. Златкин И. Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // Вопросы истории. — 1955. — № 4.
19. Грязнов М. Н. Первый Пазырыкский курган. — Л., 1950.
20. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951.
21. Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. — М. ; Л., 1952.
22. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М. ; Л., 1953.
23. Акишев К. А. Саки Семиречья (По материалам Илийской экспедиции в 1956 и 1957 гг.) // ТИИАЭ АН КазССР. Археология. — Алма-Ата, 1959.
24. Акишев К. А. Шестой Бесшатырский курган // Древние культуры юга СССР (КСИИМК. Вып. 91). — М., 1962.
25. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. — Алма-Ата, 1963.
26. Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. — Л., 1951.
27. Гумилев Л. Н. Хунну. Средняя Азия в древние века. — М., 1960.
28. Толстов С. П. Древний Хорезм: опыт историко-археологического исследования. — М., 1948.
29. Мейкшан И. А. Элита, аристократия, знать в кочевом обществе: некоторые аспекты изучения по материалам письменных и археологических источников // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — № 4/1. Серия: История. Политология.